

Постоянно ненастное время, и непрерывное стояние барометра на переменной погоде, причиною, что мы не успели до сих пор ничего сообщить нам о наших загородных прогулках. Мы Москвичи, прочитали ваш Петербургский Городской Вестник /Сев. Пчела 14го Июня № 121-й/, где вы жалуетесь на скуку и холод, господствовавшие у вас на гульбищах, и должны сказать то же: холоден был у нас и дождлив апрель, ненастно дождливым простоял Май месяц, и наконец июнь, на который мы надеялись, хотя и вывел на горизонт красное солнце, но не больше как на два дня; порывистый ветер заставлял опять небо мрачными тучами, и мы снова имеем какую-то полусосенную погоду, не смея показаться без пальто или плаща на улицу. Такое мнимое лето должно бы, казалось, пристрастить публику к театру; но она у нас и в ненастные дни мало его посещает; наступивший же театральный год не много еще представил нового. Из четырех Русских бенефисов, бывших после Святой Недели, замечателен был бенефис Г. Леонидова, 24-го апреля: "Дуглас Черный", оригинальная драма в пяти действиях, "Почтовая карета", водевиль в одном действии, и "Охотник в рекруты", сцене из Русского народно-го быта. Мы не будем рассказывать содержания драмы, перешедшей к нам с Петербургской сцены: оно уже было сообщено в Северной Пчеле. Г. Леонидов /Дуглас/ и г-жа Львова-Синецкая /Ильза/ исполнили довольно хорошо свои роли, но за всем тем, пьеса не произвела никакого впечатления на зрителя: в ней действия мало, многогла-гольствие большое, акты, по счастью, не длинные, следовательно незаметно упала финальная завеса, и могущественный Шотландский Барон Дуглас, после вторичного своего появления на сцене Большо-го Театра, опочил, кажется, непробудным сном на гостеприимной полке театральной библиотеки. Громко за то прокатили "Почтовая ка-рета" /водевиль/. Пассажиры двух почтовых карет, едущие из Птер-бурга в Москву и из Москвы в Петербург, съезжаются в гостинице; между первыми, молодой человек, Светлицын, с своим приятелем Ветлиным, и Полова, пожилая женщина, в числе остальных находятся чувствительный человек Полбин /40 лет/ и Юлия Лейская, в которую он страстно влюблен. Светлицын узнает в Лейской свою невесту, к которой он стремился, и с которою чуть не разъехался. Между раз-говорами выясняется, что Полова только для того предприняла по-ездку в Москву, чтобы выискать там с должника десять тысяч рублей по векселю. Светлицын вызывается избавить ее от хлопот: платит ей всю сумму, принимает от Половой заемное письмо, и уговари-вает ее уступить место в карете его любезной Юлии, а самой занять место Лейской; обе оне удовлетворены совершенно. За общим столом идет речь о преимуществах двух столиц; разумеется, всякий хвалит свою резиденцию; пьют заздравные тосты шампанским, и какой-то Г. Пустовельский, чиновник Петербургский, и вышеупомянутый Ветлин, Москвич в душе, декламируют куплеты. Входят кондукторы, появлявши-еся и в начале, объявляют, что лошади запряжены, и из отъезжающей кареты в Петербург /в виду зривелей/ слышно глупое отчаяние чув-ствительного Полбина, лишившегося своей соседки Лейской.

Интермедия: "Охотник в рекруты" замечательна по игре в ней Г. Мартынова: роль Емельяной написана для него, и он сыграл ее прекрасно. 14 Мая был у нас день торжества этого почетного сце-нического гостя, его бенефис, и он угостил нас следующими пьесами: "Черный день на Черной Речке", "Имянины Городничего", "Жена или карты", "Сто тысяч, или Беда иметь от мужа тайны". Все одноактные водевилы, и во всех четырех блистал разнообразный талант г-на Мартынова. В роли чиновника Ботвинина был он очень забавен; пьяного секретаря Пыпкина, роль в своем роде трудную, он мастер-ски скопировал с натуры. Пеловского молодого человека Ягодикина сы-грал он весьма удачно, и вообще должно сказать, водевиль: "Жена или карты" понравился нам больше, чем другие. Интрига его проста, язык и положения сцен усвоены хорошему обществу, действия для ма-ленькой пьесы достаточно. Вот один из тех водевилей, которые

без сомнения удержатся в репертуаре, не смотря на то, что и он некоторым образом напоминает нам старинную комедию:

из нее переделанную: "Молодые супруги", водевиль "Муж каких мало, и жена каких много", и т.д. В притворно сумасшедшем Ченчикове, г-н Мартынов был неподражаемо хорош. Что за разнообразность! Какое глубокое познание искусства! Между тем сколько простоты и природы! Надобно быть слишком привязанным к иностранному и не любить отдавать опдаивность ничему родному, чтобы сказать, что после французских комиков нельзя видеть Русских: Г-н Мартынов может идти в сценическом достоинстве об руку со всеми чужеземными талантами этого рода, какие мы до сей поры видели. Он был вызван в свой бенефис, и при повторении этого спектакля еще два раза вызывали его после каждой пьесы. Репертуар этого Протеза очень велик; мы беспрестанно его смотрим, и Малый Театр, где г. Мартынов по большей части играет, почти всегда полон. Справедливость требует, чтобы мы говорили и о своих спутниках Талии. Г. Щепкин, в водевиле "Имянины Горюничего", заметно старался, представляя Григорьева, зрителя училищ, сделать что нибудь из своей роли; но она, равно, как и самая пьеса, по мнению нашему, так бесцветна и мало занимательна, что ни прекрасный талант Щепкина, ни дарование самого бенефицианта, не могли искупить утомления, которое мы почувствовали от растянутых сцен. В водевиле "Жена или карты", Г-жа Семенова исполнила роль Софьи Андреевны очень хорошо; эта актриса имеет довольно большой, верный, приятный голос и хорошую методику, знакома со сценою, почему и может считаться необходимою для театра... а как чувствительна здесь необходимость в талантливых актрисах! Мы от души желаем успеха Г-же Сабуровой 2-й, дочери нашей заслуженной артистки; в ней отсвечивается талант матери; просим ее, однако же, не увлекаться похвалами: самонадеянность есть неисправимый вред для актрисы. Ш-жа Павлова, появившаяся недавно на Русской сцене, если и не обещает дальнейшего развития, то, в настоящее время, играя часто и во многих водевилях, нравится. Более всего мы в праве ожидать от г-жи Куликовой, сестры известной и постоянно привлекавшей публику г-жи Орловой, которой здесь еще никто не заменил, г-жа Куликова соединяет правильную дикцию с талантом; нельзя не пожалеть об одном, что, по причине слабой груди, ее голос не довольно силен для сцены. - Скоро простимся мы со спектаклями до осени; Петербургский гость, Мартынов, допевает здесь свою лебединую песнь. Должно думать, что июнь подарит нас несколькими теплыми днями, и мы воспользуемся загородными прогулками. В прошлое Воскресенье, 2-го июня, вечер был довольно хорош, и множество экипажей разъезжало в Петровском Парке, нашем Екатерингофе; нанявшие там дачи и обитатели Сокольников, места более уединенного, все еще в раздумье касательно переезда: ждут тепла. Между тем Москва приметно пустеет; помещики-агрономы разъехались по своим владениям. Нельзя не согласиться, что на все существует мода; прежнее поколение высшего общества в Москве любило и летом соединяться, учреждены были прекрасные гулянья в самом городе, теперь все врознь. Два раза в неделю играет музыка на великолетнем Тверском Бульваре, а на осиротевших Пресненских Прудах по Воскресеньям; толпа гуляющих на первом пестра и велика, а чего-то недостает!... Что же касается до Пресненских Прудов, истинно прелестное гулянье! Будь оно в Петербурге, ежедневно бы оно наполнялось публикою, но у нас на этих Прудах теперь только изредка прохаживаются близ живущие!

х/ Нижний пруд осыпан широкими излучистыми дорогами с большими кучками различных кустарников и цветов; на пруде красивая пристань и ялики для желающих прогуливаться по светлому зеркалу тихо струящейся воды; было время, что сожигались здесь прекрасные фейерверки, и пировало на обоих прудах все высшее московское общество до часа за полночь.

Учреждение омнибусов, столь полезное в Петербурге для летних загородных поездок, не может у нас укорениться; несколько лет назад, кто-то предпринял устроить дилижанс, который бы отвозил пассажиров в праздничные дни в Петровский Парк на гулянье, но не нашей ни каких выгод: от праздничного сбора ему не осталось даже на прокормление четверни лошадей в будни. Удивительное дело! Легковые же извозчики здесь дороже чем в Петербурге, особенно порядочные; причину невозможности существования общественных загородных экипажей относят у нас к тому, что в Москве почти всякий содержит своих лошадей, но сколько же таких живут в Москве, которые их не имеют? Скорее сознаемся в том, что мы, Москвичи, бережливее на деньги, и, будучи далеки от соблазнов роскоши, надемся, без поправки своих средств, на жизнь галантерейную.

Ъ

/«Северная пчела» 1846, № 134, 17/У1, стр. 533/

205

205